

Коваленко Виктория Викторовна

соискатель кафедры дореволюционной
отечественной истории
Кубанского государственного университета
тел.: (861) 236-88-84

**САМОУПРАВЛЕНИЕ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
КУБАНСКОЙ СТАНИЦЫ
В КОНЦЕ XVIII –
НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности социально-экономической жизни казачьих станиц Кубани в конце XVIII – начале XX вв. Характеризуются способы получения дохода и основные статьи расходов жителей станиц, их вовлеченность в общие экономические процессы. Описываются основные направления и характер преобразований, их зависимость от объективно протекающих экономических процессов в государстве.

Ключевые слова:

Кубань, казачество, казачьи станицы, экономика, производство, самоуправление, торговля, кустарное производство.

Kovalenko Victoria Viktorovna

PhD applicant of the of Pre-revolutionary
National History Department,
Kuban State University
tel.: (861) 236-88-84

**SELF-GOVERNMENT
AND ECONOMIC OF
KUBAN VILLAGES
IN THE END OF 18TH –
BEGINNING OF 20TH CENTURIES**

The summary:

The article considers the features of social and economic life of the Cossack villages in Kuban region in the end of 18th –beginning of 20th centuries. The author characterizes the ways the villagers earned the living and the basic items of their expenditure, as well as their involvement in general economic processes. Also the main transformation trends and principles, their dependence upon economic in the state are described.

Keywords:

Kuban, Cossacks, Cossack villages, economy, manufacture, self-government, trade, handicraft industry.

Миграционные события конца XVIII – начала XIX вв. поместили казаков-переселенцев Кубани в новые природно-географические и политические условия существования, что вместе с объективными социально-экономическими процессами отразилось на всей системе жизнеобеспечения казачества.

Экономические отношения с центральной государственной властью были оговорены изначально еще в тексте «Жалованной грамоты», где описаны условия оплаты военной службы черноморского казачества: «на употребляемые к содержанию стражи отряды и прочие по войску нужные расходы повелели мы отпускать из казны нашей» [1, ч. 1, с. 27]. Условия оплаты претерпевали незначительные изменения, сохранив основное содержание вплоть до начала XX в. По данным архивных фондов, размер годового жалования казака составлял в среднем от 40 до 100 руб., во время несения службы казаку полагалось казенное «провиантское, приварочное, чайное, табачное и мыльное довольствие», а командировочным полагалось довольствие «кормовое» [2, л. 8 об., 88, 96–96 об.]. В качестве экономического стимула к хорошей службе было «прибавочное жалование за имеющиеся знаки отличия» в зависимости от воинского звания в размере от 30 коп. до 1 руб. [3, л. 13]. Не все расходы на службу оплачивались из государственной казны. Так, из жалования удерживались в пользу войсковой казны средства «на медикаменты и госпиталь, столовые, инвалидный капитал», на канцелярские расходы [4, л. 26]. Жалование непременно доставлялось казаку под роспись в получении. Если казак по какой-либо причине не мог получить свое жалование, средства доставлялись почтовым переводом в станичное правление, где их получала семья казака. В некоторых случаях суммы поступали на приход в казну станицы, к которой казак был приписан, и составляли весомую статью дохода станичных сумм. Одной из причин, по которым жалование перечислялось в станичную казну, был перевод

казака в разряд оштрафованных. Штраф и перевод в «дисциплинарный батальон на один год» применялся, например, за неявку на сборный пункт [5, л. 2].

Особой статьей военных расходов казака было обмундирование. В среднем рядовой казак тратил в начале XIX в. на снаряжение и обмундирование до 30 руб., а собраться в конницу стоило до 100 руб. Эти средства изыскивала семья казака. Если семья не могла собрать казака на службу, средства выделялись из общественных станичных сумм или из сумм воинских частей. Долг казака перед станицей и воинским подразделением налагался на его имущество [6, л. 22 об.]. Станичники могли отправить просьбу от лица станичного сбора о зачислении казака в пехоту, а не в конницу ввиду бедности казака или скудости станичной казны. Экономическое положение казачества усложнялось инфляцией денежных средств. Уже в начале XX в. «казак, имеющий четырех сыновей, должен был затратить на их обмундирование около 1500 руб. Крестьянин, имеющий четырех сыновей, одного отправляет на полное иждивение государства, а остальные работают на себя или нанимаются батраками, т. е. отец не несет никаких затрат... чем больше сыновей у крестьянина, тем он богаче, и совсем наоборот у казака» [7, с. 147]. Постепенно служба перестает быть для казачества экономически актуальным и рентабельным занятием. Состоятельное казачество предпринимало попытки откупиться на год-два от службы или нанимало менее обеспеченных казаков и иногородних для прохождения службы вместо себя, покупая за свой счет оружие, обмундирование и лошадь.

Доходы войскового старшины были несравнимо выше жалования простого казака. В штатах с зарплатой на 1842 г. значится: «Войсковой атаман Заводовский – 1114 руб.», к тому же добавляются 2000 руб. столовых, 285 руб. – на разъезды; войсковой прокурор получал 457 руб. плюс квартирные и столовые – 541 руб. [8, л. 6–6 об.].

Процесс капитализации экономических отношений во второй половине XIX в. привел к расширению предпринимательской деятельности в среде казачества. Но денежные поступления за службу оставались основной статьей дохода войсковой казны. В отчете военного министерства говорилось «В 90-е гг. XIX в. государственные субсидии по всем казачьим войскам покрывали 38,4 % их расходов, а по Кубанскому войску – 41,6 %» [9, с. 68]. Сложность сочетания военной службы и сельского хозяйства, промысловых занятий подтолкнула казачество к широкому использованию рыночно-экономических способов регулирования отношений. В полной мере использовать природные богатства региона могли себе позволить отслужившие отставные казаки, не способные к службе мужчины и приезжие предприниматели. Служилый казак свой надел в пределах станичной юртовой земли и усадьбное место (под жилым домом и сам дом в станице. – *В.К.*) имел возможность отдать в аренду любому желающему. Например, чиновнику, проезжающему через станицы по служебным делам. Если жилье было положено должностному лицу бесплатно, аренда жилья выплачивалась хозяину из станичных сумм. По материалам линейных станиц, аренда домов для окружных судей и дежурных стоила в среднем 150 руб. в ст. Уманской, 300–350 руб. в Петровской [10, л. 190–196]. Своим станичникам, казакам других станиц и иногородним в аренду сдавалась земля из дополнительного надела станицы, который представлял из себя земельный резерв, рассчитанный на прирост населения. Условия договора аренды подробно оговаривались, а во второй половине XIX в. стали заключаться подробные письменные договоры «о найме земли» [11, л. 1]. В соответствии с положениями о землеустройстве 1862, 1868–1869, 1870 и 1891 гг. земля становилась главным объектом экономических отношений в регионе.

Еще одной статьей дохода казачества стал частный найм на службу как внутри войска, так и за его пределами. Разрешение на службу первоначально давал станичный сход, приговор схода проходил процедуру одобрения в отделе, а войсковые власти выда-

вали казаку свидетельство на право поступления в частную службу. При этом казак не освобождался от военных сборов, мобилизации в случае военных действий и несения обязанностей в станице. Если внутрестаничные обязательства не могли нести родственники казака, то сбор мог обязать его выплачивать компенсацию в пользу станицы, которая могла составлять около 25 руб. в год. Плата не была очень обременительной для казака при жаловании полицейского в 416–460 руб. в год. Как правило, информация о вакансиях поступала к войсковым и отдельским властям, а они рассылали ее по станицам в поисках желающих. В документах архивов нередко встречаются данные о найме казаков в полицейскую стражу в Волынскую, Черниговскую, Полтавскую и другие губернии [12, л. 1, 8, 9, 10–10 об.]. Несмотря на «неодобрительное отношение станичных атаманов к идее использования казаков в качестве полицейских» [13, с. 15], желающих поправить свое финансовое положение было достаточно.

В первой половине XIX в. на территории войска только казакам разрешалась свободная торговля и предпринимательская деятельность. Черноморские казаки по положению 1842 г. разделялись на временно торгующих, в свободное от службы время, и состоящих в торговом обществе. Последние официально освобождались от несения военной и гражданской службы, платили в казну войска ежегодно 57 руб. 50 коп. в течение 30 лет, пока идет срок службы, и не превышали численности в 200 человек по войску [14, т. 17, ст. 15809]. Линейные казаки подчинялись положению о Донском войске 1835 г., они должны были платить взнос в размере 200 руб., число их ограничивалось 500 чел. по всему войску [15, л. 6–7 об.]. Во второй половине XIX в. правила торговли на территории Кубанского войска приравниваются к общероссийским, что стимулировало товарно-денежные отношения. Стали создаваться потребительские общества, которые не только скупали продукцию товаропроизводителей и реализовывали ее, но и организовывали собственные производства. «К 1912 г. на Кубани было уже 90 потребительских обществ» [16, с. 407].

Основная часть производимых продуктов потребления в рассматриваемый период производилась кустарным способом. Постепенно в производственной среде появляются предприятия мануфактурного типа и механизированные крупные производства – заводы и фабрики. Для занятия любым промыслом необходимо было получить промысловое свидетельство или промысловый билет. Казакам эти документы для промысла в пределах юрта своей станицы выдавались бесплатно, а иногородним – за плату в пользу станичных сумм. Если промысел осуществлялся на запасных войсковых землях, свидетельства и билеты выдавались войсковыми властями, а плата поступала в общевойсковую казну. Полученный таким образом доход являлся общим для всего войска и поступал: половина средств – в войсковую казну, половина делилась между станичными обществами Кубани. На откуп на войсковых землях отдавалось рыболовство, сенокошение, пастьба скота, вырубка леса с оплатой за сам лес, добыча соли с оплатой за добытую соль и т. д. Развитие производственных отношений побудило население к кооперации. В начале XX в. в среде сельхозпроизводителей шло образование «сельскохозяйственных товариществ, осуществлявших широкие хозяйственные функции, в том числе по совместной переработке и сбыту продукции» [16, с. 407].

Самыми многочисленными документами, описывавшими финансово-экономическую жизнь станицы, являлись приходорасходные книги станичных правлений. Основными статьями дохода станичной казны были средства из войсковой казны, от аренды юртовых земель и инвентаря, средства за годичную службу казаков, штрафы, доходы от аукционов, а также по ценным бумагам. Из войсковой казны в станицу поступали вышеупомянутые суммы от общевойсковых заведений и средства на содержание при станицах воинских почт и иных обзаведений общевойскового значения. За содержание

почт станица получала так называемые «прогонные деньги» [17, л. 10 об. – 11 об.]. К почте прилагался надел земли, который снабжал сеном почтовых лошадей. Сами же лошади покупались за полученные прогонные деньги у жителей окрестных станиц, хуторов или присылались выбракованные из армии. Почтового корреспондента нанимали из жителей станицы, он получал жалование также из станичных сумм на основании приговора станичного схода [18, л. 2 об.]. В станичные суммы поступали средства от аренды свободных юртовых земель; плата иногородних за пользование усадебными местами, сенокосами, пастбищами; взыскания с казаков неспособных к службе, но способных к труду, штрафы за неявку в суд и на станичный сход (сбор); штрафы по решению суда за нарушения порядка и спокойствия в станице, порчу общественного имущества, самовольную продажу спиртного, игнорирование общественных работ и т. д. Особой статьей дохода была продажа на аукционах пригульного скота. Обнаруженный в станице пригульный скот содержался в станице в течение полугода. Если в указанный срок хозяин не объявлялся, скот продавался с аукциона в самой станице или вывозился к другим местам аукционов, о чем составлялись аукционные листы. Продажу производил доверенный, выбранный на станичном сходе. Одна треть вырученных денег оставалась в станичном капитале, остальное отправлялось в войсковую казну. Средства от проданного с аукциона общего станичного урожая, сена и т. п. оставались в станичных суммах [19, л. 26–27].

Расходовались станичные средства на приобретение канцелярских принадлежностей, стройматериалов для ремонта здания станичного правления, скарба для сирот, оказание помощи вдовам и неимущим, снаряжение неимущих призывников на службу, на оплату труда должностным лицам и лицам нанятым всем обществом (учителям, врачам, священникам. – *В.К.*), на погребение безродных, на содержание общественных мест, их очистку и уборку, страхование общественных зданий, подписку на периодические издания, благотворительные взносы и т. д. [20, л. 10 об., 14 об.]. В большинстве случаев сделки купли-продажи, аукционы, оказание помощи неимущим и т. д. осуществлялись между жителями станицы (хутора), таким образом основное передвижение средств происходило внутри станичного общества. Деньги поступали в личный бюджет самим станичникам за оказание ими услуги обществу или продажу своей собственности для нужд общества. Статьи расхода рассматривались и утверждались на станичном сходе (сборе), где составлялись «Приговоры» по вынесенным решениям [21, л. 9]. Получатели сумм расписывались в приговоре в получении средств, за неграмотных ставили подпись грамотные доверенные лица. Выступая как экономическая единица, станичное общество осуществляло взносы на благотворительность, расплачивалось с вышестоящим начальством за присылаемые печатные приказы и распоряжения по войску, давало займы другим обществам и частным лицам. Оно осуществляло помощь вдовами и малоимущим, выступало опекуном сирот либо контролировало опекунство. Опекунство над малолетними сиротами как вид социально-экономического взаимодействия между гражданами строго регламентировалась и контролировалась обществом. На содержание неимущего сироты выделялись средства из станичных сумм или запрашивались из войсковой казны. Из станичников выбирали достойного человека – опекуна, который получал на содержание сироты указанные средства, вел журнал учета средств и отчитывался перед обществом о тратах. Если сироте от родителей оставался денежный капитал, предписывалось «деньги непременно отдать благонадежным людям на проценты, в противном случае подлежащий на оные процент будет взыскан с них (опекунов. – *В.К.*)» [22, л. 1, 2, 5 об.].

Станичное общество, как юридическое лицо, принимало активное участие в финансовых операциях станичников с посторонними лицами. По заявлениям и жалобам извне оно взыскивало долги с имущества станичников и возвращало займодателям. Велась ак-

тивная переписка между станичными обществами о переехавших казаках, их долгах перед прежними обществами. Должники при необходимости препровождались с конвоем к месту требования.

Все движения денежных средств подлежали общественному контролю и отчету. Не были исключением и пожертвования в пользу церкви, за которые ктитория (выбранные из жителей станицы или хутора лица, которые при богослужении осуществляли чтение молитв и священных книг. – *В.К.*) должны были предоставлять отчеты. Контролировалось и имущество церкви, так, жители хутора Новомышастовского жаловались вышестоящему начальству, что причт (священнослужитель. – *В.К.*) их хуторской церкви продавал пожертвованные в церковь иконы, а «жители хутора не желают делать продажу икон» [23, л. 13].

Один из основоположников современной экономической теории, шотландский экономист, философ Адам Смит считал, что течение экономических процессов объективно и независимо. Согласно учению Смита, всем движет личная выгода человека на пути удовлетворения своих потребностей, и это движение создает автономный и самодостаточный механизм распределения ресурсов на основе частной собственности. «Невидимая рука рынка» – самый известный афоризм А. Смита, касающийся рыночной экономики. Именно эта «рука» движет прогрессивными и регрессивными экономическими явлениями в жизни общества. «Прогресс часто происходит так медленно и постепенно, что за небольшие периоды он не только не заметен, но часто даже возникает подозрение, что страна беднеет и ее промышленность падает, если наблюдается упадок некоторых отраслей промышленности или некоторых районов, что действительно иногда имеет место, хотя страна процветает» [24, с. 254]. Подобный упадок социально-экономического характера обнаружился в ряде станиц Кубани на фоне общего процесса развития капиталистических отношений в регионе во второй половине XIX в. Ревизия, проведенная войсковыми властями, обнаружила повышение уровня преступности, неудовлетворительное состояние станиц, угодий и станичных сумм, делопроизводства в станицах: Ханская, Белореченская, Бжедуховская, Пшехская, Тверская, Абхазская, Нефтяная, Келермеская, Гиангинская, Дондуковская [25, л. 1–14]. Новые социально-экономические условия, которые создавало правительство Российской империи для казачества, еще более усложняли и без того тяжелое сочетание военной службы с предпринимательской капиталистической деятельностью.

В результате ревизии обнаружили во всех казачьих войсках России «банкротство общественного управления: станичные капиталы исчезли, на станичных обществах накопились долги, казаки стали являться на службу в неисправном обмундировании» [26, л. 8]. В соответствии с экономическими тенденциями капитализации всей России во второй половине XIX в. на Кубани началось постепенное распространение частной собственности на землю, что на левобережье Кубани к началу XX в. привело к сосредоточению немногочисленных более выгодных земельных наделов в руках крупных собственников. На начальном этапе капиталистического развития, когда не сформировался слой предпринимательства, частный капитал постепенно проникал в экономику региона – этот процесс был неизбежен, более того, проникавший в экономику Кубани капитал «сам стимулировал рост товарного производства на Кубани, подстегивая увеличение посевов наиболее конъюнктурных сельскохозяйственных культур» [27, с. 407].

В начале XX в. на Кубани наблюдается увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции, внедрения техники и механизации производственных процессов, развитие инфраструктуры региона. Формы организации процесса производства, переработки, сбыта продукции стали усложняться – появились кооперативы, товарищества, акционерные общества и т. д. Под влиянием общих экономических процессов и незави-

симо от сословной принадлежности формировался капиталистический слой предпринимательства. По своему составу этот слой не был однороден, он включал мелких кустарных производителей, владельцев мануфактур семейного типа или с несколькими наемными работниками, владельцев крупных машинных производств, фабрик, заводов. В связи с этим в регионе увеличивается объем используемой наемной силы: «спрос на лиц, живущих заработной платой, естественно возрастает по мере роста национального богатства и не может возрасти при отсутствии последнего» [28, с. 254]. Об этом свидетельствует и уровень оплаты труда наемного рабочего: «в Черноморской губернии за один летний месяц сезонный рабочий получал в среднем 25 р. (на своих харчах), в Кубанской области – 24 р., а в Европейской России – лишь 14,5 р.» [29, с. 402].

В экономической науке существует три типа экономических систем – традиционная, командная – централизованная и рыночная. В указанный период в станичных обществах Кубани встречаются элементы всех типов экономических систем, с преобладанием рыночных отношений. Относящиеся к традиционной системе черты – коллективная собственность на землю, преобладание сельского натурального хозяйства в станицах, форма распределения и пользования земельными угодьями. Признаками централизации экономики были военная служба как основной способ получения материальных благ и отношение к казне Российской империи как к источнику этих благ. Более значительными в начале XX в. на Кубани стали рыночно-капиталистические элементы развития: рост товарно-денежных отношений, социальная дифференциация на основе отношения к производству и собственности на средства производства, использование наемного труда, многообразие форм организации производственного процесса, распространение частной собственности, механизация и индустриализация производства и др. Постепенное эволюционное нарастание условий капиталистического регулирования экономики было прервано революционными событиями начала XX в. и насильственным установлением советской командной централизованной экономической системы.

Ссылки:

1. Хрестоматия по истории Кубани : документы и материалы. Краснодар, 1975.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 439. Оп. 1. Д. 13.
3. Там же. Ф. 313. Оп. 1. Д. 14.
4. Там же. Д. 15.
5. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 682.
6. Там же. Д. 387.
7. Книевский С.А. Самоуправление Терского казачества XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.
8. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1 Д. 100.
9. Копанева О.И. Казачество и российская государственность: историко-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
10. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 202.
11. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 748.
12. Там же. Д. 632.
13. Бугай Н.Ф. Проблема толерантных отношений в кубанском казачестве России: конститутивность, развитие // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России : матер. заоч. науч.-практ. конф. Краснодар, 2008.
14. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание 2.

References (transliterated):

1. Khrestomatiya po istorii Kubani : dokumenty i materialy. Krasnodar, 1975.
2. Gosudarstvenniy arkhiv Krasnodarskogo kraya (further GAKK). F. 439. Op. 1. D. 13.
3. Ibid. F. 313. Op. 1. D. 14.
4. Ibid. D. 15.
5. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 682.
6. Ibid. D. 387.
7. Knievskiy S.A. Samoupravlenie Terskogo kazachestva XVI v. – 1917 g.: istoricheskie korni i evolyutsiya : dis. ... kand. ist. nauk. Stavropol', 2005.
8. GAKK. F. 254. Op. 1 D. 100.
9. Kopaneva O.I. Kazachestvo i rossiyskaya gosudarstvennost': istoriko-pravovoy analiz : dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2003.
10. GAKK. F. 254. Op. 1. D. 202.
11. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 748.
12. Ibid. D. 632.
13. Bugay N.F. Problema tolerantnykh otnosheniy v kubanskom kazachestve Rossii: konstitutivnost', razvitie // Kazachestvo i narody Rossii: puti sotrudnichestva i sluzhba Rossii : mater. zaoch. nauch.-prakt. konf. Krasnodar, 2008.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (further – PSZ). Sobranie 2.

15. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 216.
16. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996.
17. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 414.
18. Там же. Д. 2.
19. Там же. Д. 505.
20. Там же. Д. 2.
21. Там же. Д. 644.
22. Там же. Ф. 482. Оп. 1. Д. 8.
23. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 502.
24. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
25. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.
26. Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 330. Оп. 61. Д. 175.
27. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996.
28. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
29. Очерки истории Кубани...
15. GAKK. F. 254. Op. 1. D. 216.
16. Ocherki istorii Kubani s drevneyshikh vremen po 1920 g. Krasnodar, 1996.
17. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 414.
18. Ibid. D. 2.
19. Ibid. D. 505.
20. Ibid. D. 2.
21. Ibid. D. 644.
22. Ibid. F. 482. Op. 1. D. 8.
23. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 502.
24. Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. M., 1962.
25. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 17.
26. Rossiyskiy Gosudarstvenniy voenno-istoricheskiy arkhiv. F. 330. Op. 61. D. 175.
27. Ocherki istorii Kubani s drevneyshikh vremen po 1920 g. Krasnodar, 1996.
28. Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. M., 1962.
29. Ocherki istorii Kubani...